

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО СТАТУСА УГРОЗЫ: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

О.В. Новоселова

Статья посвящена описанию лингвокогнитивной специфики феномена вербальной угрозы. Автор определяет лингвистические параметры типовой коммуникативной ситуации угрозы и предлагает ментальный (когнитивный) инструмент для систематизации представлений носителей языка о вербальной угрозе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантика, акт менасивной каузации, высказывания со значением угрозы, коммуникативный конструкт угрозы

НОВОСЕЛОВА Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии. olvnov@mail.ru

Цитирование: Новоселова О.В. Формирование коммуникативного статуса угрозы: лексико-семантические основания [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, № 3. – С. 83–101. Режим доступа: www.tverlingua.ru

FORMATION OF COMMUNICATIVE STATUS OF THREAT:

LEXIC AND SEMANTIC ASPECTS

Olga V. Novoselova

The article is devoted to the description of the linguo-cognitive specifics of the phenomenon of verbal threat. The author outlined the limological parameters of a typical communicative threat situation and propose a mental (cognitive) tool for systematization of native speakers' individual understanding of verbal threat.

KEY WORDS: semantics, act of menasive causation, statements with the meaning of threat, communicative construct of threat

NOVOSELOVA Olga V. – PhD in Philology, Docent, Docent of the chair of the theory of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy. olvnov@mail.ru

Citation: Novoselova O.V. Formation of communicative status of threat: lexic and semantic aspects [Electronic resource] // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2021, № 3. – P. 83–101. Access mode: www.tverlingua.ru

Введение

В начале XXI века угроза как объект исследования приобретает особую популярность в связи с глобальными мировоззренческими, экономическими, политическими и социальными противоречиями (Романов, Новоселова, 2020; 2020а; Новоселова, 2019). Феномен угрозы (также: понятие угрозы) встречается в различных областях научного знания и обладает высоким уровнем актуальности среди представителей лингвистической науки. Однако на фоне широкого интереса лингвистов к вербальным проявлениям феномена угрозы в виде отдельных менасивных высказываний или менасивов, следует констатировать, что в настоящее время отсутствуют работы, раскрывающие комплексное представление носителей языка об этом феномене и описывающие лингвистические параметры типовой коммуникативной ситуации угрозы. Более того, вне поля зрения ученых оказывается осмысление лингвокогнитивной специфики феномена вербальной угрозы, заложенной в «ментальном пространстве / вместилище» говорящей личности (Лакофф, Джонсон, 1987: 129; см. также Лакофф, 1995: 147-159; Динсмор, 1995: 386), а также описание механизма формирования и проявления феномена вербальной угрозы в условиях англоязычной коммуникации, на основе которого осуществляется оперирование угрозой участниками такой коммуникации.

В этой связи представляется перспективным очертить содержательный объем лексико-тематического пространства угрозы в английском языке, заложенный в языковом сознании носителя языка в виде совокупности константных признаков и сем, а также описать семантическую специфику этого пространства. Кроме того, проблематика, связанная с изучением

речевых проявлений угрозы в виде отдельных высказываний, обуславливает необходимость структурировать представления носителей о вербальной угрозе и установить, каким образом лексико-тематическое пространство угрозы формирует в ментальном пространстве носителей языка «заранее установленный сюжет» угрозы или ФСП-угроза (подробнее о термине ФСП см.: Романов, 1988; 2020). Обозначенная проблематика определяет необходимость семантического подхода к описанию лексики, при котором «сохранено деление слова на лексемы-значения» (Падучева, 2004: 14) и который позволяет установить «регулярные семантические связи между разными значениями слова» (Падучева, 2004: 14).

Исследование

По данным выборки из лексикографических изданий английского языка (CACD; CALD; COBUILD; LDOCE; OALD; OAAD; WNWCD), лексико-тематическая группа глаголов, репрезентирующих угрозу в английском языке, являет собой конгломерацию из 58 глаголов, которые удобно расположить в алфавитном порядке: «*abuse*», «*admonish*», «*augur*», «*awe*», «*badger*», «*blackmail*», «*bluster*», «*browbeat*», «*bulldoze*», «*bully*», «*bullyrag*», «*caution*», «*coerce*», «*comminate*», «*compromise*», «*cow*», «*daunt*», «*dishearten*», «*dismay*», «*domineer*», «*dragoon*», «*endanger*», «*enforce*», «*force*», «*forebode*», «*foreshadow*», «*forewarn*», «*frighten*», «*fulminate*», «*growl*», «*hector*», «*impend*», «*imperil*», «*intimidate*», «*jeopardize*», «*loom*», «*lurk*», «*menace*», «*oppress*», «*overawe*», «*overbear*», «*portend*», «*presage*», «*press-gang*», «*pressure*», «*pressurize*», «*railroad*», «*scare*», «*scowl*», «*snarl*», «*spook*», «*subdue*», «*terrorize*», «*threaten*», «*torment*», «*tyrannize*», «*unnerve*», «*warn*». Зафиксированные вербальные репрезентанты угрозы объединяет значение возможного наступления негативных последствий для кого-либо или **интегративный (гиперонимический) компонент** «наступление негативных последствий» (ср. принцип инвариантности как «основной принцип группировки лингвистических элементов» в работе: Щур, 1974: 156). Тем не

менее, в представленную конгломерацию входят глаголы, обладающие различными семантическими признаками. Поэтому среди обозначенных вербальных репрезентантов угрозы уместно выделить две группы глаголов.

Первую группу формируют глаголы, которые обладают признаком акциональности, так как содержат указание на негативные последствия, исходящие от одушевленного предмета (субъекта) и отражающие его целенаправленную деятельность по совершению некоторых действий, которые причинят объекту моральный и / или физический вред. К эту группу входят глаголы «*abuse*», «*admonish*», «*awe*», «*badger*», «*blackmail*», «*bluster*», «*browbeat*», «*bulldoze*», «*bully*», «*bullyrag*», «*caution*», «*coerce*», «*comminate*», «*compromise*», «*cow*», «*daunt*», «*dishearten*», «*dismay*», «*domineer*», «*dragoon*», «*endanger*», «*enforce*», «*force*», «*forebode*», «*forewarn*», «*frighten*», «*fulminate*», «*growl*», «*hector*», «*imperil*», «*intimidate*», «*jeopardize*», «*lurk*», «*menace*», «*oppress*», «*overawe*», «*overbear*», «*press-gang*», «*pressure*», «*pressurize*», «*railroad*», «*scare*», «*scowl*», «*snarl*», «*spook*», «*subdue*», «*terrorize*», «*threaten*», «*torment*», «*tyrannize*», «*unnerv*», «*warn*». Глаголы второй группы не обладают признаком акциональности, так как отражают некоторую ситуацию (состояние, положение дел), содержащую указание на возможность наступления негативных последствий для кого-либо или чего-либо. К их числу относятся глаголы «*augur*», «*foreshadow*», «*impend*», «*loom*», «*portend*» и «*presage*».

Безусловно, первая группа глаголов, связанная с целенаправленной деятельностью субъекта по причинению кому-либо морального и / или физического вреда, представляет особый интерес для комплексного описания семантической специфики угрозы, заложенной в ментальном пространстве носителя английского языка и проявляющейся в условиях социального взаимодействия в виде отдельных менасивных высказываний. В этой связи содержательный объем вербальных репрезентантов угрозы первой группы требует дальнейшей конкретизации.

Дефиниционный анализ показывает, что вербальные репрезентанты

угрозы, обладающие признаком акциональности, включают в свой состав глаголы речевой деятельности (*verba dicendi*) или локутивные глаголы (от лат. *locutio* – «говорение»), для которых обязательно наличие говорящего и слушающего (признак локутивности). К числу таких глаголов, которые содержат признак локутивности хотя бы в одном из своих значений, относятся «*abuse*», «*admonish*», «*badger*», «*blackmail*», «*browbeat*», «*bulldoze*», «*bully*», «*bullyrag*», «*caution*», «*coerce*», «*comminate*», «*cow*», «*dragoon*», «*force*», «*forebode*», «*forewarn*», «*fulminate*», «*intimidate*», «*menace*», «*press-gang*», «*pressure*», «*pressurize*», «*railroad*», «*terrorize*», «*threaten*», «*warn*». Примечательно, что перечисленные локутивные глаголы, за исключением глаголов «*abuse*», «*forebode*», «*fulminate*» и «*menace*», обладают побудительным значением или признаком побудительности (каузативности). В этой связи, можно утверждать, что лексико-тематическая группа глаголов, репрезентирующих угрозу в английском языке, включает в свой состав 22 локутивных глагола, обладающих побудительным значением: «*admonish*», «*badger*», «*blackmail*», «*browbeat*», «*bulldoze*», «*bully*», «*bullyrag*», «*caution*», «*coerce*», «*comminate*», «*cow*», «*dragoon*», «*force*», «*forewarn*», «*intimidate*», «*press-gang*», «*pressure*», «*pressurize*», «*railroad*», «*terrorize*», «*threaten*», «*warn*».

Следовательно, обладая признаком локутивности и признаком побудительности (каузативности), представленные глаголы отражают речевую деятельность говорящего, направленную на побуждение слушающего совершить какое-либо действие в определенной ситуации социального взаимодействия. Эти глаголы являют собой каузацию особого рода – речевую каузацию в виде конкретного или речевого действия. При этом, носитель каузации (говорящий) сообщает объекту (слушающему) о возможном наступлении негативных последствий и тем самым воздействует на него, вовлекая в интерактивное взаимодействие.

Конкретный способ воздействия на объект каузации подробно раскрывается в интегративном компоненте «наступление негативных

последствий». Семантический анализ вербальных репрезентантов угрозы, обладающих признаками локутивности и побудительности, показывает, что вариантами интегративного компонента «наступление негативных последствий» являются семы: 1) «совершение чего-либо неприятного» («*to do something unpleasant*»), 2) «совершение чего-либо плохого» («*to do something bad*», «*to inflict*»), 3) «причинение боли, вреда или беспокойства» («*to hurt or harm*», «*to cause someone harm or trouble*», «*to cause trouble, hurt*»), 4) «осуществление наказания» («*to express one's intention of punishing*»), 5) «источник возможной опасности» («*to be a source of such danger*», «*to be an indication or source of potential danger*», «*to be a danger to something*») и 6) «разрушение чего-либо» («*to destroy something*», «*to be likely to cause damage to something or someone*»).

Лексикографические источники позволяют зафиксировать, что глагол «*threaten*» включает в свой содержательный объем все перечисленные семы, охватывая различные способы санкционного воздействия на объект. При этом, на материале исследования не удалось обнаружить какого-либо иного вербального репрезентанта угрозы в английском языке, который содержал бы 6 вариантов интегративного компонента «наступление негативных последствий». Следовательно, можно утверждать, что глагол «*threaten*» представляет собой самый семантически «объемный» глагол в анализируемой лексико-тематической группе глаголов английского языка.

Принимая во внимание внушительное количество вербальных репрезентантов угрозы, результаты дефиниционного анализа уместно дополнить привлечением данных о частотности и сфере их употребления в условиях англоязычной коммуникации. В этой связи удобно воспользоваться корпусом современного английского языка американского варианта (Corpus of Contemporary American English, далее СОСА), который содержит базу данных, сформированную более чем одним миллиардом словоупотреблений в английском языке, включая 20 миллионов слов за период с 1990 года по 2019 год. Более того, издание СОСА содержит сведения о частотности

использования в современном английском языке наиболее употребительных слов, входящих в частотный список из 60000 слов (показатели Freq и Range), а также позволяет определить порядковое место слова в этом частотном списке (показатель Rank).

Опираясь на данные COCA, представляется возможным определить частотность использования в английском языке вербальных репрезентантов угрозы и их порядковое место среди 60000 наиболее употребительных слов. Таблица содержит данные об их частотности (глаголы расположены в порядке уменьшения показателя Freq, обозначающего частотность употребления глагола в современном английском языке американского варианта):

Таблица № 1

Частотность употребления вербальных репрезентантов угрозы:
показатели Freq и Rank (согласно COCA)

№ п/п	Вербальный репрезентант угрозы	Freq	Rank
1	Force	107636	922
2	Threaten	59034	1595
3	Warn	45485	1943
4	Scare	24480	2785
5	Enforce	19538	3783
6	Abuse	18959	3769
7	Compromise	14391	4460
8	Bully	8480	6247
9	Loom	8062	6620
10	Frighten	7954	6466
11	Intimidate	6613	7209
12	Caution	6125	7775

№ п/п	Вербальный репрезентант угрозы	Freq	Rank
27	Unnerve	1926	14948
28	Admonish	1925	15002
29	Foreshadow	1446	17396
30	Dishearten	1173	19240
31	Dismay	1063	20227
32	Bulldoze	970	20817
33	Imperil	946	21385
34	Portend	859	22383
35	Awe	848	22352
36	Badger	761	22862
37	Presage	602	26459
38	Menace	583	26526

13	Endanger	5868	7785	39	Forewarn	552	27168
14	Pressure	5846	7826	40	Cow	529	27495
14	Lurk	5640	8008	41	Pressurize	498	28480
16	Growl	5156	7892	42	Daunt	387	31874
17	Jeopardize	4407	9108	43	Bluster	379	32141
18	Oppress	3002	11634	44	Railroad	368	31509
19	Coerce	2818	11951	45	Domineer	276	36564
20	Terrorize	2730	11924	46	Browbeat	226	39781
21	Torment	2595	12403	47	Augur	226	37646
22	Scowl	2360	13517	48	Fulminate	131	50912
23	Blackmail	2249	12162	49	Hector	130	46754
24	Snarl	2141	13470	50	Tyrannize	93	59319
25	Spook	2120	13325	51	Overawe	72	66032
26	Subdue	2070	14130	52	Dragoon	51	76747

Условные обозначения: показатель Freq обозначает частотность употребления глагола, показатель Rank – место глагола среди наиболее употребительных слов английского языка.

Примечание. Таблица не содержит сведения о частотности употребления тех глаголов, которые не входят в топ-60000 слов английского языка (по версии издания COCA), поэтому в ней не представлены глаголы «bullyrag», «comminate», «forebode», «impend», «overbear» и «press-gang».

Бросается в глаза, что наиболее употребительным глаголом лексико-тематического пространства угрозы является глагол «force». Сказанное означает, что из всех вербальных репрезентантов угрозы, выявленных в рамках настоящего исследования, наиболее частотной является лексема «force», которая акцентирует внимание на возможности для объекта воздействия избежать наступления негативных последствий, выполнив каузируемые действия. Как видно из таблицы, частотность употребления глагола «force» превышает частотность употребления глагола «threaten»:

глагол «*force*» находится на 922 месте среди употребительных слов английского языка, в то время как глагол «*threaten*» занимает 1595 позицию (см. показатели Rank).

Зафиксированные данные показывают, что глагол «*force*» является наиболее частотным вербальным репрезентантом угрозы в английском языке. Тем не менее, этот глагол включает в свой содержательный объем только один вариант интегративного компонента – сему «совершение чего-либо неприятного» («*to do something unpleasant*»). Вместе с тем, важно обратить внимание на то, что глагол «*force*» в ряде лексикографических изданий отмечен пометой «often passive» (OALD; OAAD) и, следовательно, можно полагать, что указанный глагол регулярно используется для описания процесса и результата акта побуждения, а не для направленного побуждения, например, «*The President was forced into resigning*»; «*The President was forced to resign*». В этом плане примечательно, что глагол «*threaten*», занимая вторую позицию по частотности употребления в англоязычной речи среди вербальных репрезентантов угрозы, зафиксированных в рамках настоящего исследования, является семантически «объемным» и включает в свой содержательный объем 6 вариантов интегративного компонента.

Данные о частотности словоупотребления, представленные в издании COCA, подтверждаются и в электронном издании LDOCE, которое предлагает оценку частотности употребления лексем в английском языке британского варианта по показателям-маркерам «Lower-frequency», «Medium-frequency» и «High-frequency». Так, согласно LDOCE, глагол «*force*» отмечен показателем-маркером «High-frequency» и входит в перечень 2000 наиболее употребительных слов в устной речи («Top 2000 spoken words»), а также в перечень 1000 наиболее употребительных слов в письменной речи («Top 1000 written words»). В свою очередь глагол «*threaten*» также отмечен показателем-маркером «High-frequency», однако входит в перечень 3000 наиболее употребительных слов в устной речи («Top

3000 spoken words») и в перечень 2000 наиболее употребительных слов в письменной речи («Top 2000 written words»).

Безусловно, при описании лексико-тематического пространства угрозы важно учитывать, что формирующие его глаголы характеризуются не только различной частотностью использования в устной или письменной речи, но и сферой употребления. В этой связи важно обратить внимание на то, что ряд вербальных репрезентантов угрозы, обладающих признаками локутивности и побудительности, отмечен словарными пометами или комментариями относительно их использования в речи, а некоторые глагольные лексемы снабжены несколькими словарными пометами. Так, эмпирический материал в виде словарных дефиниций позволяет установить, что анализируемые вербальные репрезентанты угрозы имеют

– помету «usually passive» (также «often passive»): «*bulldoze*» (OALD), «*force*» (OALD; OAAD), «*forewarn*» (LDOCE; OALD; OAAD), «*press-gang*» (COBUILD), «*pressure*» (OALD; OAAD), «*pressurize*» (OALD);

– помету «formal» (также помету «rather formal»): «*admonish*» (CALD; COBUILD; LDOCE), «*coerce*» (CALD; COBUILD; OALD; OAAD), «*cow*» (COBUILD), «*dragoon*» (OALD; OAAD), «*forewarn*» (OALD; OAAD);

– помету «informal»: «*bulldoze*» (WNWCD), «*bullyrag*» (WNWCD), «*press-gang*» (CALD; LDOCE; OALD; OAAD), «*railroad*» (WNWCD);

– помету «obsolete»: «*dragoon*» (WNWCD), «*press-gang*» (WNWCD);

– помету «dialectal»: «*bullyrag*» (WNWCD).

На основании представленных данных становится понятным, что к числу вербальных репрезентантов угрозы, которые обладают признаками локутивности и побудительности, а также не отмечены в словарях пометами, относятся глаголы «*badger*», «*blackmail*», «*browbeat*», «*bully*», «*caution*», «*comminate*», «*intimidate*», «*terrorize*», «*threaten*», «*warn*». При этом не вызывает сомнений, что самым частотным из них является глагол «*threaten*».

Семантическое содержание локутивного глагола «*threaten*» и его частотность употребления в условиях англоязычной коммуникации дает

основание утверждать, что он не просто «отсылает к статичным, дефинитивным и, вероятно, таксономическим способам обращения с предметом», а скорее «усиливает акцент на процессуальном характере» (Яноу, Хульст, 2011: 89) целенаправленных действий субъекта, ориентированных на побуждение объекта совершить некоторые действия. Итогом является то, что глагол «*threaten*» в реляционном плане, в терминологии И.П. Сусова, структурно отражает «ситуацию коммуникации» (Блакар, 1987: 93), т.е. задает основу для типовой коммуникативной ситуации угрозы, в которой есть отправитель (субъект каузации, говорящий, адресант) и получатель (объект каузации, слушающий, адресат) сообщения, а также желание (намерение) говорящего передать сообщение именно адресату. При этом, содержание такого сообщения может передаваться различными языковыми выражениями английского языка.

Согласно результатам анализа глагольных дефиниций, отличительной особенностью коммуникативной ситуации, задаваемой семантическими признаками глагола «*threaten*», или типовой коммуникативной ситуации угрозы является наличие у говорящего задачи – побудить собеседника к совершению определенного действия упоминанием возможных негативных последствий и тем самым организовать процесс их взаимодействия, а также функционально определить границы такого взаимодействия. Становится понятным, что семантическая специфика глагола «*threaten*» способна вызвать в ментальном пространстве адресата «осмысленный образ действительности» (Романов, Романова, Федосеева, 2013: 72) – функционально-семантическое представление о коммуникативной ситуации угрозы или ФСП-угроза (подробнее см.: Романов, 1988; Романов, Новоселова, 2021), а глагол «*threaten*» способен выполнять коммуникативно-когнитивную функцию **фреймообразующего** (вершинообразующего) конституента типовой коммуникативной ситуации угрозы. При этом, не вызывает сомнений, что коммуникативная ситуация угрозы формируется отдельными единицами – **менасивно-каузативными актами** или **актами менасивной каузации** в

виде конкретных высказываний-угроз, реализованных в определенных условиях социальной интеракции и маркированных различными языковыми средствами поверхностной репрезентации.

Таким образом, семантической особенностью фреймообразующего глагола «*threaten*» является то обстоятельство, что инициатор акта менасивной каузации целенаправленно сообщает адресату о возможности наступления для него (адресата) негативных последствий с целью побудить адресата совершить определенное действие. Важно уточнить, что адресант сообщает о своем намерении совершить некоторое негативное действие, которое он не желает выполнять (не ставит своей задачей выполнить), но упоминает такое действие в связи с необходимостью решить коммуникативную задачу (признак менасивности). Вполне логично, что объект каузации также не заинтересован в наступлении негативных последствий для себя. В этой связи есть все основания полагать, что глагол «*threaten*» как вершина фрейма типовой ситуации угрозы способствует формированию у адресата отрицательных (некомфортных) эмоциональных переживаний, связанных с возможным наступлением для него негативных последствий. При этом, в коммуникативной ситуации угрозы у адресата есть возможность избежать таких последствий, выполнив каузируемые действия.

Сказанное позволяет утверждать, что фреймообразующий глагол «*threaten*» сочетает в своем содержательном объеме элементы *контрарного плана*: 1) варианты интегративного компонента «наступление негативных последствий», которые формируют некомфортные эмоциональные переживания участников акта менасивной каузации, а также 2) признак менасивности, который способствуют поддержанию социальных отношений между участниками акта менасивной каузации в процессе их интерактивного взаимодействия и предоставляют им возможность «преодолеть» некомфортные переживания для эффективного решения своих коммуникативных задач. Безусловно, обозначенная содержательная специфика коммуникативной ситуации угрозы отражает комплексное

представление носителей английского языка о феномене вербальной угрозы. Тем не менее, такие представления можно охарактеризовать как разрозненные и неструктурированные, так как они не позволяют понять, как именно языковая личность осуществляет оперирование этими представлениями при каждой встрече с менасивными высказываниями в процессе интерактивного взаимодействия с партнером по общению.

Становится очевидным, что необходим когнитивно-дискурсивный подход к структурированию представлений носителей о вербальной угрозе, который позволит установить, как сочетаются элементы контрарного плана в конкретном случае реализации акта менасивной каузации для решения коммуникативной задачи говорящего. В этой связи перспективно продолжить структурировать представления носителей языка о вербальной угрозе с использованием такого ментального (когнитивного) образования как коммуникативный конструкт (см. подробнее о конструкте как о способе истолкования явлений: Келли, 2000, а также о коммуникативном конструкте угрозы: Романов, Новоселова, 2021). Обозначенное направление исследования предполагает, что для понимания механизма функционирования феномена вербальной угрозы в языковом сознании носителей языка необходимо установить, как варианты интегративного компонента «наступление негативных последствий» соотносятся друг с другом в ментальном пространстве языковой личности, как они структурируются и оцениваются с позиций их интенсивности воздействия или интенсивной «глубины».

Принимая во внимание тот факт, что семы могут получать «различный удельный вес в структуре значения слова» (Гак, 1977: 14), представляется возможным расположить семы, формирующие интегративный компонент «наступление негативных последствий», в порядке увеличения проявления их негативных последствий для адресата и конкретизации способов негативного воздействия. Следуя выбранной логике, удалось сформировать иерархическую последовательность сем: а) сема «источник возможной

опасности» → б) сема «совершение чего-либо неприятного» → в) сема «совершение чего-либо плохого» → г) сема «причинение боли, вреда или беспокойства» → д) сема «осуществление наказания» → е) сема «разрушение чего-либо». Характерно, что перечисление сем начинается с семы (а), которая не содержит указания на конкретный способ наступления негативных последствий для объекта, в то время как каждая последующая сема «включает» в свой содержательный объем предыдущую сему, конкретизируя способ совершения санкционного воздействия. Иными словами, каждая последующая сема является семантически «объемнее» предыдущей, приобретая аккумулятивный характер.

Предлагаемая иерархическая последовательность сем является основанием для разработки коммуникативного конструкта угрозы (также менасивного коммуникативного конструкта), позволяя расположить семы в одной плоскости – на шкале коммуникативного конструкта угрозы – по принципу увеличения их интенсивного потенциала и конкретизации способа негативного воздействия. При этом, семы фреймообразующего глагола «*threaten*» задают границы и содержание типовой коммуникативной ситуации угрозы, предполагающей различные негативные последствия для адресата акта менасивной каузации.

В выбранном ракурсе рассуждений представляется правомерным полагать, что актуализация той или иной семы в акте менасивной каузации – а именно упоминание инициатором акта менасивной каузации каких-либо негативных последствий – способствует формированию отрицательных (некомфортных) эмоциональных переживаний у адресата такого акта, а также отражает эмоциональные переживания адресанта. При этом, чем «болезненнее» для адресата окажутся негативные последствия, тем большей концентрации внимания ему потребуется для принятия решения о выполнении или невыполнении каузируемых ответных действий, и тем большее эмоциональное напряжение он (адресат) будет переживать. Иными словами, каждая сема имеет соотношение с некомфортным эмоциональным

состоянием участников типовой коммуникативной ситуации угрозы, а эмоциональные переживания участников акта менасивной каузации находятся в диапазоне между комфортом и дискомфортом.

Предлагаемое иерархическое распределение сем на коммуникативном конструкте угрозы позволяет говорить о наличии определенного механизма – ***механизма менасивной инклюзии***, принцип работы которого заключается в том, что на этапе встречи с менасивным высказыванием языковая личность как когнитивный агент обращается к собственным – во многом субъективным – представлениям о негативных последствиях угрозы (семам), которые структурируются в ментальном пространстве по принципу увеличения интенсивного потенциала и конкретизации способа негативного воздействия. На следующем этапе языковая личность осуществляет оперирование предлагаемым механизмом негативных последствий вербальной угрозы, позволяющем ей оценить последствия конкретных актов менасивной каузации, сравнив эти последствия с собственными представлениями (знаниями) о возможном санкционном воздействии вербальных угроз.

Выводы

Коммуникативный конструкт угрозы представляет собой ментальный (когнитивный) инструмент, позволяющей определить, каким образом носитель языка может «измерять», интерпретировать и оценивать акты менасивной каузации в виде высказываний-угроз, а также в какие эмоциональные состояния вводят высказывания-угрозы и в каком эмоциональном состоянии находятся адресант таких высказываний. Разработка коммуникативного конструкта угрозы позволяет систематизировать представления носителей языка о содержательном (семантическом) объеме феномена вербальной угрозы, учитывая «индивидуальную когнитивную систему с ее различными уровнями информации о действительности – физической, функциональной и эмоциональной» (Романов, Романова, Федосеева, 2013: 9), а также предложить

механизм, лежащий в основе оперирования угрозой участниками социального взаимодействия.

Тем не менее, следует констатировать, что дальнейшее изучение проблематики, связанной с разработкой шкалы когнитивной «мерности» вербальной угрозы и анализом воздействующего потенциала менасивных высказываний, остается одним из актуальных направлений лингвистической науки в условиях «дискурсивного поворота» и развития идей коммуникативного конструктивизма. Более того, в связи с глобальными мировоззренческими, экономическими, политическими и социальными противоречиями языковая личность регулярно встречается с вербальными угрозами в сфере социально-политической коммуникации и, следовательно, необходим разработанный когнитивный инструмент для систематизации и интерпретации высказываний-угроз.

Ссылки – References in Russian

Блакар, 1987 – Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального процесса. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–125.

Гак, 1977 – Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.

Динсмор, 1995 – Динсмор Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 385 – 411.

Келли, 2000 – Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. – СПб.: Речь, 2000. – 182 с.

Лакофф, 1995 – Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 143–184.

Лакофф, Джонсон, 1987 – Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия:

Переводы. – М.: Прогресс, 1987. – С. 126–172.

Новоселова, 2019 – Новоселова О.В. Имплицитные менасивы российского предвыборного дискурса // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 58. – С. 153–168.

Падучева, 2004 – Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.

Романов, 1988 – Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. – 183 с.

Романов, 2020 – Романов А.А. Лингвопрагматическая модель речевого управления диалогом: системный анализ с примерами из русского и немецкого языков. – М.: URSS (ЛЕНАНД), 2020. – 264 с.

Романов, Новоселова, 2020 – Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. – 2020, Т. 24, № 2. – С. 419-448.

Романов, Новоселова, 2020а – Романов А.А., Новоселова О.В. Предвыборные менасивы как особый прагматический тип высказываний со значением угрозы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020, № 1. – С. 44–52.

Романов, Новоселова, 2021 – Романов А.А., Новоселова О.В. Менасивные конструкты предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. – М.: Флинта, 2021. – 440 с.

Романов, Романова, Федосеева, 2013 – Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. – М.: ИЯ РАН, 2013. – 214 с.

Щур, 1974 – Щур Г.С. Понятие поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Яноу, ван Хульст, 2011 – Яноу Д., ван Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. – 2011, Т.10. № 1-2. – С. 87–113.

References

Blakar, R.M. (1987) Language as an instrument of social power (theoretical and empirical studies of language and its use in a social context) // *Language and modeling of the social process*, Moscow, Progress, pp. 88–125. (in Russian).

Dinsmore, J. (1995) Mental spaces from a functional point of view // *Language and Intellect*, Moscow, Progress, pp. 385–411. (in Russian).

Gak, V.G. (1977) *Comparative Lexicology*, Moscow, International relations, 264 p. (in Russian).

Kelly, J. (2000) *Personality Psychology. The theory of personal constructs*, St. Petersburg, Rech, 182 p. (in Russian).

Lakoff, J. (1995) Cognitive semantics // *Language and Intellect*, Moscow, Progress, pp. 143-184. (in Russian).

Lakoff, J., Johnson, M. (1987) The Metaphors We Live By // *Language and Social Interaction Modeling: Translations*, Moscow, Progress, pp. 126–172. (in Russian).

Novoselova, O.V. (2019) Implicit menasives of the Russian pre-election discourse // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*, 58, pp. 153-168. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian).

Paducheva, E.V. (2004) *Dynamic models in vocabulary semantics*, Moscow, Languages of Slavic culture, 608 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1988) *Systems analysis of the regulatory means of dialogical communication*, Moscow, Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR, 183 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2020) Linguopragmatic model of speech control of the dialogue: system analysis with examples from Russian and German, Moscow URSS (LENAND), 264 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2020) Discursive realization of threat in pre-election communication // *Russian Journal of Linguistics*, T. 24, № 2, pp.

419–448. (in Russian).

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2020) Pre-election threats as a special pragmatic type of statements // *Journal of the Northern (Arctic) Federal University. Series Humanities and Social Sciences*, 1, pp.44–52. (in Russian).

Romanov, A.A., Novoselova, O.V. (2021) *Menasive constructs of electoral discourse: Linguo-cognitive analysis of materials from the 2018 presidential campaign programs*, Moscow, Flinta, 440 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Fedoseeva, E.G. (2013) *Performative ritual acts of sacral communication*, Moscow, IYa RAN, 214 p. (in Russian).

Schur, G.S. (1974) *The concept of a field in linguistics*, Moscow, Nauka, 255 p. (in Russian).

Yanow, D., van Hulst, M. (2011) Frames of the political: from frame analysis to framing analysis // *Sociological Review*, T.10, No.1-2, pp. 87–113. (in Russian).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

CACD – Cambridge Academic Content Dictionary

CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus

COBUILD – Collins Cobuild Advanced Dictionary

COCA – Corpus of Contemporary American English

LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English

OAAD – Oxford Advanced American Dictionary

OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary

WNWCD – Webster's New World College Dictionary